

ГОСПОЖА-УДАЧА

И почему нам с Ником постоянно хочется есть? Только вчера вечером мы умяли целую тарелку макарон, а сегодня утром такие голодные, как будто не ели неделю.

Наш капитал вместе с двумя пустыми бутылками из под Ркацители, найденными у палатки геофизиков, составил кругленькую сумму в один рубль. В магазине мы купили хлеб, банку килек в томатном соусе, пачку сигарет и полтинник оставили на вечер на пару стаканчиков вина. Завтракать расположились на полянке перед магазином.

– Тебе как отрезать ломоть хлеба в две руки или в одну? – спросил я Ника.

– В две, – не задумываясь, ответил Ник.

Я аккуратно отрезал ему кусок хлеба, но очень тонкий, что держать его, не сломав, можно было только двумя руками. Ник купился на старую и простую шутку, но обидеться не успел.

На крыльцо вышла продавщица Шурочка, которая еще в магазине заметила, что «наши финансы поют романсы».

– Хотите заработать на обед? – предложила она.

– Конечно, хотим, – сходу отреагировал я.

– А маршрут? – одернул меня Ник.

– Это недолго, на пару часов, – засуетилась Шурочка. – Плачу десять рублей?

– Согласны! – я выразительно посмотрел на Ника, умоляя его молчать. – Что надо делать?

– Колодец чистить. В щель между бетонными кольцами попадает грязь с огорода, воду я уже откачала, сейчас магазин закрою и покажу.

Шурочка жила недалеко от магазина. В тенистом садике около дома нас встретила ее мать – знаменитая тетя Паша, которая в любое время суток продавала вино студентам и преподавателям. По слухам, она добавляла в вино табак – для крепости.

За тетей Пашей прятался ее шестилетний внук-сорванец Вовка – чернявый мальчуган с хитрыми бегающими глазенками. Его только что выкупали, и в длинной белой рубашке до пят он напоминал чертенка, для смеху наряженного ангелочком.

– А я чистенький, – похвастался Вовка, ковыряя пальцем в носу.

– Пальчик сломаешь, – предупредил я его на полном серьезе, – минута удовольствия, и на всю жизнь инвалид.

Вовка хихикнул и спрятался за бабу.

– Вот, маманя, работников привела, – объявила Шурочка, – дай им ведро и лопату. Ребята, когда закончите работать, зайдите ко мне в магазин, а я побежала.

Мы сели за деревянный столик под черешней и я достал банку красной рыбы – кильки в томате с целью принести немедленную жертву богу чревоугодия.

– Работников сначала надо как следует накормить, – неожиданно объявила тетя Паша, – да посмотреть, как они будут есть. Хороший работник и ест хорошо.

– Что вы, не беспокойтесь, нам некогда, – опять не по делу встрял Ник, – мы быстро все сделаем и в маршрут.

– Тетя Паша, – перебил я Ника, – мы слышали об этой старой традиции и очень ее одобряем, а Кольку не слушайте, он с голодухи всегда

заговаривается и всякую ахиною несет. Не отвлекайтесь, делайте что задумали, а мы не подведем.

Я строго посмотрел на Ника, чтобы он опять чего-нибудь не ляпнул, и незаметно спрятал банку килек в рюкзак.

Тетя Паша поджарила нам яичницу на сале с картошкой, луком и помидорами и крупно нарезала каравай теплого хлеба. Стараясь зарекомендовать себя отличным работником, я объелся и потерял всякую охоту трудиться. После такого мощного завтрака неплохо было бы как следует отдохнуть, где-нибудь в тени, например в гамаке под черешней.

Я начал рассказывать тете Паше жуткую историю про одного человека, который после завтрака сразу взялся за тяжелую работу и... получил заворот кишки.

Ник забегал как электрический, даже не дал толком покурить. Он сразу взял на себя роль главного – черпалы, обвязался веревкой и полез с лопаткой в колодец. Мне досталась примитивная работа подмастерья: вытаскивать ведро из колодца и выливать жидкую грязь за забор. Работа наша напоминала труд двух ассенизаторов, из старого анекдота: Пожилой мастер «черпала» сидел в люке и наполнял черпаком ведро, а молодой подмастерье вытаскивал его наверх и выливал в бочку на телеге. Однажды подмастерье случайно уронил в люк полное ведро. Мастер стер с лица дерьмо и с досадой крикнул подмастерью: «Никогда тебе не быть черпалой!»

Вешая на крюк пустое ведро, я нечаянно упустил его, и оно с грохотом полетело вниз. Из колодца раздались такие жуткие крики и выражения, что я испугался за нравственность шестилетнего Вовки и отогнал его подальше.

Вопли постепенно затихли, и вдруг Ник выкрикнул что-то фальцетом. Кроме моего имени слов нельзя было разобрать, но я готов был поставить бутылку пива против стирательной резинки, что это вовсе не благодарность в мой адрес.

«Ник прав, никогда тебе не быть черпалой», – подвел итог мой первый внутренний голос.

Наконец, Ник успокоился, и мы продолжили работу. Зацементировали щели между бетонными кольцами и засыпали дно крупным речным песком.

Тетя Паша усадила нас за богато сервированный стол.

– Холодной водички попить у вас не найдется? – вдруг спросил Ник.

– Сейчас принесу, – засуетилась тетя Паша.

– Ты что, кто же пьет за обедом холодную сырую воду? – воскликнул я громко, чтобы тете Паше было все хорошо слышно в погребке. – Еще Дон Жуан говорил: «Я воду пил однажды, она не утоляет жажды»!

Ник так на меня посмотрел, будто я на что-то набивался.

Тетя Паша, конечно, все прекрасно слышала и порадовала сообразительностью. Она принесла запотевший глиняный кувшин со своим знаменитым вином.

Ник категорически отказался пить вино перед маршрутом, и мне из солидарности пришлось его поддержать. Но я быстро нашелся и до верху наполнил вином походную флягу.

– Какой у вас аппетит хороший, – тетя Паша с завистью наблюдала, как едят настоящие работники, – вот бы нашему Вовке такой, совсем ничего не ест.

Под осуждающим взглядом Ника я слил остатки вина из кувшина в стакан и дружелюбным жестом предложил ему попробовать. Там было-то всего по глотку. Получив категорический отказ, я выпил вино.

– У студентов аппетит – все летит, – я жестом показал, что вино отличное.

Тетя Паша улыбнулась, а Вовка захохотал.

– Очень важно своевременно развить у ребенка хороший аппетит, такой, например, как у нас с Ником. Вы тетя Паша не улыбайтесь, задача эта совсем не такая простая, как может показаться на первый взгляд. Поэтому мы готовы каждый день давать мальчику бесплатные уроки.

– Приходи к нам в столовую во время обеда, – предложил Ник Вовочке, – там есть чему поучиться.

– Зачем же ему ходить так далеко, – возразил я, – он же еще маленький. Мы будем давать мальчику уроки на дому: перед маршрутом и после.

– Наверное, в геологи специально отбирают одних балагуров? – рассмеялась тетя Паша, вытирая платком слезы.

– Вы, Тетя Паша, напрасно сомневаетесь в наших способностях, – после короткой внутренней борьбы я взял из чашки еще один пирожок. – И не смотрите, что мы так много едим, это вовсе не от жадности, а оттого, что все делаем по науке.

Вовка залиvisto хохотал, валяясь на расстеленном одеяле.

В конце обеда тетя Паша подала кофе. Мы не пили кофе почти месяц. Заварен он был вполне прилично.

– С молоком будете? – поинтересовалась она.

– Без! – отрезал Ник, обожавший крепкий черный кофе.

Принимая из рук тети Паши сахарницу, я рассказал, что никак не могу выпить кофе такой, какой люблю. Потому что дома кладу одну ложку сахара – из экономии, в гостях – на дармовщину пять, а люблю с двумя.

В результате мы объелись, и у меня пропала охота даже к маршруту. Я предложил отдохнуть пятнадцать минут. Мы завалились на траву под черешню.

– Добрая была охота, – заметил Ник, поглаживая свой раздутый живот.

Распрощавшись с тетей Пашей, я направился к Шурочке сообщить о выполненной работе.

– Послушай, – остановил меня Ник, – давай не будем заходить. А?

Нику, конечно, было неудобно брать деньги за работу, то ли дело трудиться просто так!

– Вот еще, она же просила зайти и сказать.

– Тогда не бери деньги, и так достаточно.

– Ладно.

Я действительно для начала отказался от денег, но Шурочка так настаивала, что пришлось уступить и даже выпить у прилавка два стаканчика холодного вина – за себя и за Ника.

На заработанные деньги я тут же купил баранины, и Шурочка отрубила мне отличный кусок. Ник, увидев меня на крыльце магазина с мясом в одной руке и лимоном в другой, сразу все понял, засопел, но промолчал.

Что это был за маршрут! Все шло у нас как по маслу. Конечно, если нас каждый день так кормить, то мы сможем горы свернуть. Мы прошли по всем обнажениям и набросали черновик геологической карты. Наконец, очутились в аммонитовом овраге. Два часа безрезультатно копались в поисках аммонитов. Нику очень хотелось найти какую-нибудь окаменелую

фауну. И я решил пожертвовать ради друга имеющимися у меня белемнитами, которых накануне выпросил у палеонтологов. Белемниты – вымершие в конце мелового периода головоногие моллюски родственные кальмарам. Их твердая часть – ростр, которую находят в виде окаменелости, выглядит как остроконечная удлинённая пуля. Ростр находился внутри моллюска и служил ему чем-то вроде скелета для рыхлого тела. В древности окаменелые остатки белемнитов называли «чертовыми пальцами» или «громовыми стрелами». В некоторых меловых отложениях встречались прослойки с большим количеством окаменелых остатков – «поля битв белемнитов».

От удара молотка белемнит легко, как гвоздь, вошел в мягкий глинистый мергель. В отложениях этого яруса белемнитов никогда не находили, но тем приятнее будет Нику сделать такую потрясающую находку.

– Что это? – удивленно воскликнул я, – Иди сюда, посмотри!

Ник подошел и притронулся к торчащему из скалы белемниту. «Чертов палец» тут же вывалился из породы.

Приятно было смотреть, как искренне радуется друг. Я указал на второго белемнита, и Ник возликовал. Особенно он упивался тем, что за всю историю крымской геологической практики мы первые нашли в аммонитовом овраге сразу двух белемнитов.

Но как говорится, «Платон мне друг, а истина дороже». Пришлось открыть Нику правду. Он сначала расстроился, но быстро утешился, когда я подарил ему одного из белемнитов.

Мы решили до конца воспользоваться открывшейся нам удачей и работали до темноты, пока не закончили съемку.

И вот маршрут окончен. Теплый вечер спустился к подножию гор. Искры костра вихрем взлетали в темнеющее небо и тихо умирали в вышине как настоящие звезды.

У меня был свой особый рецепт приготовления шашлыка: куски мяса вперемешку с кружками лимона, лука и помидор нанизывались на длинный прут, который втыкался в землю около костра, и наклонялся над огнем, так чтобы мясо не касалось пламени.

Мы подняли кружки за госпожу-удачу.

– Древние римляне называли богиню удачи – Фортуна, – глубокомысленно заметил Ник

При упоминании ее имени Фортуна окончательно расщедрилась. Ник вытащил из-под себя камень, который мешал ему лежать, и, прежде чем отбросить в сторону, поднес к свету костра. В отблесках трепещущего пламени мы увидели роскошный экземпляр аммонита *Arietites Obtusus Sowerbi*!

– Если откинуть случай с ведром, то нам сегодня дико везет, – я взял у Ника образец и поднес его к свету костра. Аммонит был отличный.

Тут я почувствовал, что Ник смотрит на меня с подозрением.

– Этот экземпляр крупнее моего самодельного аммонита раза в полтора, не видишь что ли? – успокоил я его.

Ник промолчал.

– Сегодня все студенты на море и госпоже-удаче не к кому было приткнуться, – высказал я догадку, – вот она и крутилась около нас целый день, но завтра ребята вернутся. И что тогда?

– А может, Фортуна к нам уже привыкла? – усмехнулся Ник.